

О смысле и предварительных итогах российской трансформации

1. Пережила ли страна социальную революцию?

За дни симпозиума мы выслушали много важных соображений о сущности и итогах 15-летнего процесса преобразования российского общества. Попытаюсь коротко сформулировать и свое представление об этих вопросах. Первый из них касается социальной природы, или типологического качества обсуждаемого нами социетального процесса. По этому поводу существуют разные точки зрения. Согласно одной из них, в России произошла *Великая либерально-демократическая революция*, направленная против советского авторитарно-бюрократического режима, который препятствовал решению коренных задач нашего общества¹. Другая (причем противоположная) точка зрения состоит в том, что осуществленные в 1990-х годах реформы продолжили и довели до логического конца тот *антисоциалистический* (и следовательно, контрреволюционный) *переворот*, который был начат И.Сталиным в конце 1920-х — первой половине 1930-х годов². Со своей стороны, полагаю, что на переломе 1980—1990 гг. в стране назревала демократическая революция, направленная против авторитарной власти партийной номенклатуры. Но силы социального протеста оказались недостаточно зрелыми для того, чтобы взять власть в свои руки и провести демократические реформы в интересах большинства населения. Революционный подъем довольно быстро спал, и власть осталась в руках лишь слегка обновленной номенклатуры, озабоченной прежде всего частными интересами.

От того, какую из этих точек зрения принимает тот или иной исследователь, существенно зависит оценка как современной ситуации в России, так и ее вероятного будущего. Поэтому очень важно отдать себе ясный отчет, действительно ли страна пережила социальную революцию, если "да", то *когда и какую*? Какие социальные *силы* противостояли друг другу в борьбе за власть и за будущее России? Кто *победил* в ней и кто *проиграл*? Какие *новые*

¹ См. статью В А Мау в данном сборнике.

² См. статью В.П Данилова в данном сборнике. А также: *Данилов В.П.* Падение советского общества: Коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // *Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие*, год. М.: Логос, 1999. С. 11-28.

общественно-политические силы пришли к власти и в чьих интересах ее использовали?

По мнению В.А.Мау, события произошедшие в России в первой половине 1990-х годов, обладали рядом особенностей, характерных для революций. Это: 1) *системность, глубина и радикальность* изменения базовых институтов; 2) обусловленность преобразований преимущественно *внутренними противоречиями* данного общества; 3) *слабость политической власти* и *отсутствие согласия* между слоями и группами общества по центральным проблемам, целям и ценностям; 4) *неспособность* властной элиты *консолидировать* общество для осуществления конструктивных системных преобразований; 5) преобладание стихийных социальных процессов над управляемыми¹.

Действительно, проведенные в этот период *реформы*, бесспорно, имели *революционный характер*, поскольку затрагивали важнейшие социетальные характеристики общества. Но этого, на мой взгляд, далеко не достаточно, чтобы рассматривать их как *революцию*.

Во-первых, субъектами *социальных революций* являются массовые социальные силы, осознавшие непримиримость своих жизненных интересов с интересами правящих классов. В России же того времени массовые движения не получили большого развития, а с началом реформ вообще свернулись. *Главным актором* социальных преобразований здесь была верховная власть². Причем персональный состав *элиты*, вставшей во главе преобразований, на три четверти состоял из прежней *номенклатуры*.

Во-вторых, как справедливо отмечает И.М.Клямкин, на радикальной фазе других социальных революций "*решались проблемы большинства*, а у нас этот вопрос *не решался вообще* и не решен до сих пор"³. И в-третьих, факт совершения социальной революции (особенно "Великой") вряд ли мог остаться не осознанным теми гражданами, которые ее совершили. В массовом же сознании россиян представление о революции 1991 — 1993 гг. явно отсутствует.

На мой взгляд, в 1990-х годах Россия пережила не революцию, а долгую череду недостаточно подготовленных, противоречивых, можно сказать, *судорожных реформ и прямых политических мер*, вызвавших цепь политических и социально-экономических кризи-

¹ Экономика переходного периода: Введение. М.: ИППП, 1999. С. 10—13.

² По мнению Л.Ф.Шевцовой, в России речь шла "о системно ограниченной революционности, которая не привела к изменению сущности власти: власть до сих пор остается в рамках традиционно русской парадигмы монособъектности... продолжает оставаться самовоспроизводящейся величиной" (Выступление на конференции "Десять лет после августа. Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации". Фонд "Либеральная миссия". М., 2002. С. 126-127).

³ Клямкин И.М. Выступление на конференции "Десять лет после августа. Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации". Фонд "Либеральная миссия". М., 2002.

сов. Такой характер развития не соответствует понятиям ни революции, ни великих реформ, я скорее назвала бы его *кризисной трансформацией*.

2. Этап кризисной трансформации России

В рамках этой *трансформации*, как мне кажется, можно выделить три существенно разных этапа.

1991—1993 гг. ознаменовались проведением *радикальных* политических и экономических *реформ*, направление которых чаще всего определялось их инициаторами как либерально-демократическое. Фактически же они имели чисто либеральный характер, обслуживая интересы верхних групп общества — правящей элиты, бюрократии и частного капитала. Создав необходимые институциональные условия для перераспределения власти и собственности, правящая верхушка сосредоточилась на собственных интересах, оставив начатые реформы на полпути. Массовым группам, попавшим в очень трудное положение, в сущности, было предложено следовать принципу: "спасение утопающих есть дело рук самих утопающих".

На следующем этапе (1994—1998 гг.) представители массовых групп стали развивать различные формы легальной и/или теневой активности, способной обеспечить их выживание и, по возможности, некоторое улучшение существования. Под влиянием этой неорганизованной активности масс постепенно возникли и заработали новые, независимые от власти социальные механизмы преобразования разных сторон общественной жизни. На смену традиционным способам поведения начали приходить новые социальные практики, соответствующие сложившимся институциональным условиям и, в свою очередь, способствующие их изменению. В результате, процесс социальных преобразований, целенаправленные реформы "сверху" сменились *спонтанной трансформацией* общества, в основе которой лежала борьба интересов множества самых различных групп. Никем не направляемый процесс изменения правил игры, в котором участвовали многие миллионы акторов, довел до конца распад советской институциональной системы, но в силу своей стихийности не мог обеспечить возникновения новых современных институтов. Большинство экономических, социальных и культурных сдвигов носило скорее деградационный характер (о чем много говорилось на симпозиуме).

К началу 1999 г. процессы распределения и перераспределения национальных богатств в основном завершились. Экономические показатели, "коснувшись дна", начали медленно повышаться, развитие общества вышло на более устойчивую траекторию. В этих условиях правящая элита сочла возможным и своевременным возобновить либеральные преобразования, призванные, с одной сто-

роны, восстановить правовой порядок и усилить гарантии собственности, а с другой — окончательно освободить "либерализирующееся" государство от бремени социальных расходов, переложив их на плечи населения.

На этом этапе возобновления реформ мы сейчас и находимся. На первый взгляд, он типологически сходен с началом 1990-х годов, но в действительности это не так. Дело в том, что тогда власть имела возможность писать новые законы "на чистом листе", поскольку старая институциональная система была уже сломана, а новая не успела возникнуть. Но пока правящие верхи обзаводились частной собственностью, в стране успела сложиться *новая институциональная структура*, имеющая, хотя преимущественно *неформальный*, но достаточно *жесткий* характер. Ее элементы, будучи плотно пригнанными друг к другу, образовали целостные социальные механизмы, поддерживаемые и охраняемые мощными социальными силами, в том числе коррумпированной бюрократией и криминалитетом.

Если гайдаровские реформы, перефразируя Ленина, можно назвать "*красногвардейской атакой*" на советскую систему, то реформаторская деятельность федеральных органов власти больше напоминает *осаду* полустихийно возникшей, но хорошо охраняемой *институциональной крепости*. Реформы движутся крайне медленно и наталкиваются на упорное сопротивление тех, кому адресованы. Принимаемые властью установления и нормы чаще всего не выполняются, а теми или иными путями обходятся. В итоге фактически происходящие изменения общественного устройства России служат результатом не столько целевого реформирования "*сверху*", сколько спонтанной трансформационной активности "*снизу*", причем их реальное содержание определяются сравнительными возможностями групп влияния, имеющих противоположные интересы.

3. Что достигнуто и где мы находимся?

Чтобы ответить на этот вопрос достаточно полно и объективно, необходимо оценить результаты перемещения российского общества по трем важнейшим осям: а) эффективности базовых институтов; б) качества социальной структуры; в) уровня человеческого потенциала. Учитывая формат выступления, ограничусь краткой оценкой сдвигов по каждому из названных направлений.

На симпозиуме много говорилось о том, что институциональная структура российского общества стала принципиально иной. Формально-правовой "костяк" базовых институтов России приобрел более либеральные и демократические черты. Однако новая правовая система остается крайне несовершенной: она страдает неполнотой, содержит много противоречивых, неэффективных и нелеги-

тимных норм¹. Значительная часть правовых норм не подкреплена практикой правоприменения, надежно гарантирующей их выполнение. К тому же формально устанавливаемые правила игры нередко противоречат нормам социального поведения, закрепленным в национальной культуре. В результате они остаются на бумаге, фактические же взаимодействия социальных субъектов базируются не столько на законе, сколько на "понятиях", в основе которых — безусловный приоритет власти, денег и физической (в том числе вооруженной) силы.

В конце 1980-х годов важнейшей задачей реформ считалось содействие становлению правового государства, без чего не мыслились ни цивилизованное вхождение России в мировое сообщество, ни ускоренный рост и эффективное использование человеческого потенциала страны, составлявшего ее главное богатство. Фактически, однако, случилось обратное: за рассматриваемый период российская правовая система деградировала, приняла более примитивный, иногда просто варварский характер. Культурная и нравственная аномия вкупе с параличом правосудия привели к невиданному ранее разгулу преступности, многие формы которой приобрели устойчивость и превратились в повседневные практики². Страна не способна обеспечить правовые гарантии экономической деятельности иностранных инвесторов, поэтому они опасаются вкладывать деньги в ее развитие. А значительная часть россиян вообще оказалась вытесненной из экономики и фактически стала рассматриваться властью в качестве лишней "обузы".

Институциональные перемены повлекли за собой важные сдвиги в социальной структуре общества, широко обсуждавшиеся на симпозиуме. Исторически характерный для России и существенно тормозящий ее развитие раскол между господствующим классом и остальной частью общества в результате "демократических" реформ резко углубился. В руках 5—7% семей, представляющих верхний полюс общества, сосредоточилось более половины всех национальных богатств. Нижний же полюс представляют 30—35% бедняков, полностью отчужденных от собственности, а в значительной мере — и от нормально оплачиваемого труда. Причем среди них, наряду с пенсионерами и инвалидами, широко представлены здоровые, квалифицированные и даже имеющие работу люди, нищенская оплата труда которых недостаточна для обеспечения минимальных потребностей их семей.

Правда, социологические опросы показывают, что процесс адаптации россиян к новым институциональным условиям в последние годы ускорился. По данным ВЦИОМ, с 1999 по 2002 г. доля лиц, считающих, что они в основном приспособились к рыночной

¹ См. статью С. А. Пашина в данном сборнике.

² См. статью В. В. Лунеева в данном сборнике.

экономике, увеличилась с 66 до 85%. Соответственно стало значительно меньше тех, кто считает свое материальное положение плохим, испытывает сильное недовольство жизнью, напряжение, страх или тоску. В 1999 г. их число составляло примерно 60%, а в 2002 г. — около 40%.

Однако более чем в половине случаев адаптация россиян происходит на базе нисходящей мобильности; она имеет вынужденный, а не добровольный характер; сочетается с сужением, а не с расширением сферы индивидуальной свободы (см. статью М.А.Шабановой). Иными словами, люди привыкают к худшим условиям и постепенно с ними смиряются. Не так мало и тех, кто вообще не смог приспособиться к новым условиям. Они составляет около 15% опрошенных, или свыше 20 млн человек, не считая примерно 7 млн представителей социального дна, которые ни в какие опросы не попадают.

В итоге сегодня мы имеем социально расколотое общество со слабо развитым средним слоем и депривированной, в значительной мере люмпенизированной основной массой граждан. Социальная дистанция, отделяющая немногочисленную верхушку общества от большинства рядовых россиян, во много раз возросла, причем противостояние этих групп приобрело четко выраженный *классовый характер*. На одном полюсе общества сосредоточился класс наемных работников, практически лишенных частной собственности, а на другом — класс собственников и распорядителей капитала как самовозрастающей собственности.

Названные институциональные и социальные сдвиги оказали негативное влияние на человеческий потенциал России, являющийся главным залогом ее будущего. Предполагалось, что либерально-демократические реформы позволят не только лучше и полнее *использовать* сравнительно высокий человеческий потенциал страны, но и создадут условия для его *дальнейшего роста*. Но в действительности результат оказался обратным: смертность населения резко повысилась, а рождаемость снизилась почти вдвое, что вызвало депопуляцию большинства регионов, лишь частично и все слабее компенсировавшуюся притоком русских из стран СНГ. Развал бесплатного предоставления услуг организациями здравоохранения при слабом развитии частных медицинских услуг и их недоступность для большинства россиян стал фактором массового ухудшения здоровья и преждевременной смертности населения. В результате множества пережитых за короткое время стрессов более половины взрослых граждан страны нуждаются, по свидетельству медиков, в помощи психологов и психиатров, по частоте же самоубийств Россия близка к мировому рекорду. Между тем государственные расходы на здравоохранение в России составляют всего 3% ВВП, в то время как в Европе они равны 8—10%, а в США —14% ВВП.

В сфере образования, обеспечивающей воспроизводство человеческого потенциала страны, наблюдается резкая поляризация. С одной стороны, набирает силу элитное (как правило, платное) образование, предоставляемое престижными национальными и зарубежными университетами. С другой же стороны, уровень *обязательного образования* подростков впервые в практике государства *снижен* с 11 до 9 классов, причем более 10% детей школьного возраста вообще не учатся. Как следствие в военкоматы приходят призывники, не умеющие читать и писать, чего не было ряд десятилетий. Около 2 млн безнадзорных и беспризорных детей живут вне семей в подвалах и на чердаках, промышляя, главным образом, воровством. Повзрослев, они уже никогда не станут полноценными и правопослушными гражданами. Тяжелый кризис переживает наука. Культурный и научно-технологический потенциал страны, стоящей перед вызовами постиндустриализма, резко снизился и продолжает снижаться. В случае сохранения этих тенденций Россия, вместо желаемого включения в мейнстрим мирового общественного развития, превратится в периферийную страну зависимого развития, не способную как-либо влиять на дела мирового сообщества.

4. Каким может быть будущее России?

Очевидно, что сложившаяся в России система правил игры не обеспечивает ей ни приемлемого места в мировом сообществе, ни социальной интеграции общества, необходимой для достижения жизненно важных для него целей и интересов. В этих условиях приостановка развития объективно означает спуск вниз. Для того же, чтобы *переломить* эту тенденцию, добиться гармонизации социальной структуры и эффективного использования сохранившегося человеческого потенциала, есть только одно средство — осуществить *новый, социально ориентированный цикл институциональных и структурных реформ*. Причем речь должна идти не о возобновлении приостановленных на время или вяло текущих "либеральных" реформ в духе Касьянова—Грефа, а о принятии принципиально новой стратегии, ориентированной на интересы как государства, так и его граждан. Главной целью такой стратегии должна быть оптимизация условий для продуктивной и инициативной деятельности массовых социально продвинутых групп общества — интеллигенции, служащих, рабочих, крестьян, деятельный потенциал которых сейчас не востребован. Речь идет о социально-демократических реформах.

Однако рули политического управления Россией и основные ресурсы ее общественного развития находятся в руках правящего слоя, чуждого широкому государственному мышлению и движимого преимущественно эгоистическим интересом. Российская элита

не торопится поворачиваться лицом к народу, равнодушна к его страданиям. Основная же масса граждан, не успевшая накопить опыта жизни в демократическом обществе, не в силах организованно защищать свои интересы, выступать в качестве равноправного партнера в диалоге с правящим слоем.

Вряд ли есть основания ожидать, что в ближайшие годы в России могут возникнуть новые социальные силы, способные вытянуть ее из сложившейся колеи. Более вероятно сохранение тех же тенденций развития, которые имеют место сейчас: раскол между властью и обществом будет лишь углубляться, элита — богатеть за счет ренты от эксплуатации общенародных ресурсов, а трудовой народ страны — расходовать энергию, знания и инициативу на выживание и некоторое улучшение собственной жизни, не задумываясь о более широких вопросах. Страна же и дальше будет двигаться в направлении, противоположном мировому развитию. Причем, главное содержание ее жизни будет во все большей степени сводиться к преодолению разнообразных кризисов.

Но долго это продолжаться не может. Со временем неприемлемость ситуации станет очевидной не только ученым или политикам, и необходимость нового поворота будет осознана если не всеми, то большинством. Важно только, чтобы относительное безразличие элиты к происходящим событиям прошло быстрее, чем истощится терпение масс. От этого зависит, удастся ли России вырваться из современной ловушки путем проведения поддерживаемых обществом рациональных реформ или ей снова придется пройти через острые социальные катаклизмы, исход которых непредсказуем.